

## ДАНТЕ ГАБРИЭЛЬ РОССЕТТИ И ИВАН КОНЕВСКОЙ<sup>1</sup>

### Аннотация.

*Актуальность и цели.* Статья продолжает цикл работ автора, посвященных исследованию рецепции творчества английского поэта и художника-прерафаэлиты Данте Габриэля Россетти (1828–1882) в русской поэзии Серебряного века. Отмечая заметное усиление русского интереса к Д. Г. Россетти в первой четверти XIX в., проявившегося, в частности, в обращении к его произведениям Н. М. Минского, З. А. Венгеровой, А. А. Блока, Н. С. Гумилева, К. Д. Бальмонта и др., нельзя не назвать и имени одного из основоположников и идейных вдохновителей русского символизма Ивана Коневского (1877–1901). В восприятии И. Коневского Россетти оказался не только поэтом, но и одним из ведущих западноевропейских мыслителей, развернувших мировоззрение современников от материализма к вере в бессмертие души. В статье впервые систематизируются и целостно осмысливаются факты, характеризующие воздействие конкретных произведений Д. Г. Россетти, его творческих принципов на формирование творческой индивидуальности Ивана Коневского как предтечи русской символистской поэзии.

*Материалы и методы.* Материалом для исследования стали сохранившиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства ранее не публиковавшиеся прозаические переводы отдельных поэтических произведений Д. Г. Россетти, выполненные И. Коневским, а также суждения раннего русского символиста об английском поэте, нашедшие отражение в литературной критике, эпистолярных, мемуарных и документальных источниках. В работе использованы сравнительно-исторический, сравнительно-типологический и биографический методы исследования.

*Результаты.* Выявлены и систематизированы многочисленные факты обращения И. Коневского к произведениям Д. Г. Россетти, впервые введены в научный оборот остававшиеся неопубликованными переводы И. Коневского из Д. Г. Россетти, установлены обстоятельства, связанные с историей создания этих переводов, а также причины, не позволившие русскому поэту осуществить их публикацию. Отмечено влияние И. Коневского как ценителя произведений Д. Г. Россетти на В. Я. Брюсова, продолжившего развитие поэтической школы русского символизма.

*Выводы.* По итогам исследования раскрыты особенности восприятия творчества Д. Г. Россетти Иваном Коневским в широком контексте рецепции английской литературы и культуры викторианской эпохи в России рубежа XIX–XX вв.

**Ключевые слова:** Данте Габриэль Россетти, поэтический перевод, традиция, литературная критика, рецепция, русско-английские литературные связи, межкультурная коммуникация, художественная деталь.

---

<sup>1</sup> Исследование осуществлено в рамках реализации проекта по гранту Президента РФ МД-5818.2015.6 «Текстология и поэтика русского художественного перевода XIX – начала XXI века: рецепция английской поэзии викторианской эпохи в синхронии и диахронии».

**DANTE GABRIEL ROSSETTI AND IVAN KONEVSKOY****Abstract.**

*Background.* This article continues the series of papers devoted to the study of reception of creativity of the English poet and artist pre-Raphaelite Dante Gabriel Rossetti (1828–1882) in the Russian poetry of the Silver age. Noting the marked increase of the Russian interest in D. G. Rossetti in the first quarter of the nineteenth century, manifested, in particular, by the appeal to his works of N. M. Minskiy, Z. A. Vengerova, A. A. Blok, N. S. Gumilev, K. D. Balmont, etc., not to mention the name of one of the founders and ideological inspirers of the Russian symbolism – Ivan Konevskoy (1877–1901). In perception of I. Konevskoy, Rossetti was not only a poet, but also one of the leading west-european thinkers who launched the worldview of his contemporaries from materialism to belief in the immortality of the soul. This article is the first to systematize and holistically comprehend the facts that characterize the impact of specific works of D. G. Rossetti, his artistic principles on the formation of creative individuality of Ivan Konevskoy as the forerunner of the Russian symbolist poetry.

*Materials and methods.* The study materials included the previously unpublished I. Konevskoy's prose translations of individual poems by D. G. Rossetti, preserved in the Russian State Archive of Literature and Art, and judgments of the early Russian symbolist about the English poet, reflected in literary criticism, epistolary, memoirs and documentary sources. The study used comparative-historical, comparative-typological and biographical research methods.

*Results.* The author identified and systematized numerous facts of I. Konevskoy addressing the works of D. G. Rossetti, first introduced unpublished I. Konevskoy's translations of D. G. Rossetti into the scientific turnover, determined the facts connected with the history of these translations, as well as the causes, which interfered with the publication thereof by the Russian poet. The researcher emphasizes the influence of I. Konevskoy as a connoisseur of the works by D. G. Rossetti on V. Bryusov, continuing the development of poetic schools of Russian symbolism.

*Conclusions.* The study reveals the peculiarities of perception of creativity of D. G. Rossetti by Ivan Konevskoy in the broad context of the reception of English literature and culture of the Victorian era in Russia of XIX–XX centuries.

**Key words:** Dante Gabriel Rossetti, poetical translation, tradition, literary criticism, reception, Russian-English literary relations, intercultural communication, artistic detail.

В статье Е. И. Нечепорука, открывавшей в 2000 г. первое после без малого столетнего перерыва российское издание произведений И. Коневского<sup>1</sup>, отмечалось, что незадолго до своей ранней кончины в 1901 г. поэт «успел составить целую антологию европейской поэзии, состоящую из имен А. Ч. Суинберна, Д. Г. Россетти, М. Метерлинка, А. де Ренье, Ф. Вьеле-Гриффена, Э. Верхарна, Р. У. Эмерсона, Новалиса, Г. фон Гофмансталя, И. В. Гете», причем целенаправленно переводил поэзию прозой: «Поэт был глубоко

<sup>1</sup> Предыдущее издание вышло в 1904 г. [1]. О дальнейших неудачных попытках публикации книг И. Коневского, предпринятых В. Я. Брюсовым в 1910 г. и Н. Л. Степановым, подготовившим двухтомник текстов И. Коневского для «Библиотеки поэта», в 1937 г., а также о выходе книг поэта в Германии в 1971 г. и в США в 1989 г. см. в работе А. В. Лаврова [2, с. 218–219].

убежден, что это должны быть прозаические переводы, а то, что они могут быть значительным явлением в истории переводческого искусства, читателю, надеюсь, предстоит еще открыть, когда они будут опубликованы – более чем через столетие после их создания» [3, с. 20].

Свое убеждение И. Коневской высказал в письме В. Я. Брюсову<sup>1</sup> во второй половине апреля 1899 г.:

<...> истинно-художественное творение слова не может и не должно находиться в зависимости от своей метрической формы, так чтоб оно являлось прямо нехудожественным, лишившись этой формы: последнее было бы верным признаком того, что и метрическая форма лишь маскировала недостатки его образов. Метрический звук усугубляет действие образов лирики, в союзе с ними он являет новый образец художественно-прекрасного; но в своей обособленности, без их помощи, он лишен такого значения. Строение же образов слова должно представлять, напротив того, и вне союза со звуками, самостоятельный образец художественного действия. Поэтому в переводе метрического стихотворения прозой из цельного тела красоты извлекается менее многообъемлющий, но столь же цельный живострой ее – из совокупной гармонии образно-звуковой более односторонняя, но столь же целокупная гармония чистообразная, сопровождаемая ослабленным, но сохраняющим свое внутреннее расположение звуковым тоном [4, с. 458].

3 мая 1900 г. И. Коневской сообщал В. Я. Брюсову, что преследует «намеченную <...> уже давно задачу точных передач <...> стихов посредством прозы» [4, с. 492]. Как видим, перевод поэзии прозой был сознательным выбором И. Коневского, созданное им – не черновые подстрочники, а законченные переводные произведения, во многом передававшие внутренний мир самого переводчика, ориентированного в творчестве на философскую лирику с элементами мистического начала.

В те же годы в России появлялись и другие переводы стихотворных произведений, принципиально выполненные прозой. Самым резонансным из них стал осуществленный П. И. Вейнбергом и напечатанный двумя изданиями в 1902 и 1904 гг. прозаический перевод гетевского «Фауста» [5, 6]. Откликаясь на него, Е. А. Ляцкий, в частности, отмечал, что перевод прозой отчасти выигрышнее поэтического, поскольку «техника стихотворного переложения с одного языка на другой создает <...> трудности, которые поневоле заставляют удовольствоваться передачей не точного текстуального значения, но общего смысла и настроения» [7, с. 842]. Анонимный рецензент «Русской мысли» признавал, что у переводящего прозой, не ограниченного «деспотическими требованиями стиха», появляется возможность, «пользуясь богатыми ресурсами родного языка, передать художественное произведение во всех оттенках мысли и чувства, во всех тонкостях и особенностях настроения» [8, с. 314].

На хранящийся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) неопубликованный сборник переводов И. Коневского<sup>2</sup>

---

<sup>1</sup> Переписка И. Коневского с В. Я. Брюсовым впервые полностью опубликована в 1991 г. А. В. Лавровым. Оригиналы большинства писем (как И. Коневского В. Я. Брюсову, так и В. Я. Брюсова И. Коневскому) хранятся в Российской государственной библиотеке (РГБ) (Ф. 386), за исключением письма И. Коневского В. Я. Брюсову от 31 января 1900 г., хранящегося в Институте мировой литературы (ИМЛИ) им. А. М. Горького (Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 13).

<sup>2</sup> Из данного сборника до недавнего времени было опубликовано всего одно произведение: в книге «Золотое перо. Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия

А. В. Лавров ссылался в 1991 г. в комментариях к переписке И. Коневского и В. Я. Брюсова [4, с. 460]. При подготовке тома «Стихотворений и поэм» И. Коневского для серии «Новая библиотека поэта», вышедшего в 2008 г., А. В. Лавров ввел ранние поэтические переводы стихотворений иноязычных авторов в состав третьего раздела издания, а насчет поздних переводов, осуществленных в прозе, сообщил: «В архиве Коневского они составляют объемный сборник (РГАЛИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 9. 236 л.); кроме того, отдельно хранятся прозаические переводы из Э. Верхарна (Там же. Ед. хр. 13. 34 л.)» [2, с. 220]. Исследователь также отметил, что в архиве И. Коневского (Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 6. 119 л.) сохранились тетради со списками прочитанных книг (с 1894 г. до конца жизни), различные регистрационные заметки («Прочитанные мною “Sonnets by Dante Gabriel Rossetti” – перечень <...> и т.п.» [11, с. 11]). В одной из рабочих тетрадей И. Коневского «Мысли, заметки (на память), наброски» внимание А. В. Лаврова привлек перечень «Мыслители, разрушившие для меня материализм и утвердившие во мне уверенность в бессмертии души» (Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 14), в котором наряду с другими мыслителями был назван и Д. Г. Россетти [11, с. 20].

Относящийся к маю – июню 1896 г. набросок статьи И. Коневского о бельгийском поэте Морисе Метерлинке предвещал более масштабным планом работы, из которого очевидно, что И. Коневской собирался, в числе прочего, писать о Россетти:

«Momento: Современные провозвестники художественного мистицизма:

I. Морис Мэтерлинк: его поэзия и философия.

II. Мироззрение английских «прафаэлитов» в живописи и поэзии (Россетти, Моррис, Суинберн, Берн-Джонс, Миллз). IV. Светлый мистик (несколько новых слов о мироззрении Алексея Толстого). V. Просветленный мудрец (Роберт Браунинг). III. Тайны нравственного мира (Генрих Ибсен)».

Данный материал, хранящийся в РГАЛИ (Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 4об.), был впервые опубликован А. В. Лавровым в 2009 г. [12, с. 408–423].

Среди материалов И. Коневского в РГАЛИ, введенных в научный оборот А. В. Лавровым, также должно быть упомянуто пространное сочинение «Стихотворная лирика в современной России» (Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 17), над которым И. Коневской работал с 25 декабря 1896 г. по 16 февраля 1897 г. [13, с. 89–149]. В нем И. Коневской, в числе прочего, сидя «на берегу великого финского водопада», вспоминает строфы Россетти и размышляет о потоке времени, его разрушительности и необратимости: «Мучительно ощущалось ничтожество личности в потоке времени и хода мировых событий, ничтожество ее и в океане единой безличной души мира. <...> Наше “я” – какая-то бесформенная, неопределенная дымка, вечно меняющаяся, вечно струящаяся, затерянная в хаосе времени» [13, с. 109–110].

Джоан Гроссман, анализируя стихотворение И. Коневского «Под звук ущелья», датированное 14 июня 1897 г. с пометой «Дорога из Salzburg в Königsee», обратилась к тексту его «Записной книжки <№ 5>» и соотнесла

в русских переводах. 1812–1970» (1973), составленной Г. И. Ратгаузом, увидел свет перевод И. Коневским «Гимна к ночи» Новалиса [9, с. 394–399]. Значительным событием в осмыслении деятельности И. Коневского как переводчика стал материал «Ф. Ницше в переводах И. Коневского» (предисловие и публикация А. В. Лаврова), увидевший свет в книге «Musenalmanach: В честь 80-летия Р. Ю. Данилевского» [10, с. 161–199].

содержащуюся в ней запись, перекликающуюся с замыслом стихотворения и сделанную на следующий день после его создания – «вдруг открылись бы нам неведомые глубины и тайные ходы» (РГАЛИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 25об. – 26об.) – с LXXXI сонетом Россетти «Memorial Thresholds» [14, с. 56].

Бесспорно, в июне 1897 г. И. Коневской находился под обаянием сонета Россетти. В первом этюде «Предательская храмина» раздела «Умозрения странствий» сборника «Мечты и звуки» русский писатель не только размышлял о безграничных неведомых глубинах, тайных ходах человеческой жизни, но и предлагал читателям прозаический перевод фрагмента LXXXI сонета:

#### Предательская храмина

Вся жизнь человека на земле – не похожа ли она на древние покои, в которых совершенно ровные с виду плиты помоста вдруг – если наступить на одну из них – открывали западню? Сквозь эту западню проваливались в глубокие склепы и подземелья или же спускались по витым ступеням в тайники. Так привычные, повседневнейшие зрелища, звуки – если бы только чуть-чуть подольше, поглубже вникнуть в них, как бы плотнее нажать их, вместо того, чтобы скользить по их поверхности – вдруг открыли бы нам тайные ходы и неведомые глубины.

Многозначительное указание на это явление представляет, между прочим, хотя и в иной совершенно форме, сонет Россетти «Достопамятные Пороги» («Memorial Thresholds»).

«Так, о твердыня, все так же единой простой двери твоей, и тем же веющим присутствием исполненной, так же, как и встарь, все ей же – только если некой новой силой удвоить мои силы и ныне было бы суждено быть вратами из моей жизни в вечность»<sup>1</sup>.

12 июня 1897. Salzburg [15, с. 79].

В другом этюде – «Перед живописью Швинда» – И. Коневским проведена параллель между творчеством австрийско-немецкого художника и графика Морица фон Швинда и «современных художников-мистиков», среди которых, наряду с английским живописцем и графиком Э. Берн-Джонсом и бельгийским драматургом, эссеистом и лириком М. Метерлинком, был назван Д. Г. Россетти [15, с. 79].

Период работы И. Коневского над прозаическими переводами, хранящимися в РГАЛИ, отразился в его письмах к В. Я. Брюсову. Так, во второй половине апреля 1899 г. И. Коневской отмечал: «Я за последнее время много переводил впервые и многое приводил в порядок в прежних своих переводах из Вьелэ-Гриффина, де Ренье, Верхаарена, Суинберна, Россетти, Ницше» [4, с. 457–458]. Причем изначально, осуществляя переводы, И. Коневской был нацелен на публикацию произведений всех названных авторов, за исключением Вьеле-Гриффена, в рамках единого сборника, обладающего

---

<sup>1</sup> City, of thine a single simple door,  
By some new power reduplicate, must be  
Even yet my life-porch in Eternity,  
Even with same presence filled, as once of yore...

*Примечание статьи И. Коневского* [15, с. 79].

Цитата приведена И. Коневским неточно. В тексте Д. Г. Россетти лексема *Power* во втором из стихов пишется с прописной буквы, в третьем стихе лексема *eternity* – со строчной буквы, в четвертом стихе вместо *same* употреблено *one*.

«внутренно-цельным характером»: «Собрание таких избранных произведений отличалось бы, мне кажется, как глубоким внутренним единством, так и многосторонностью выражения истинно-современной поэзии; под “современным” я разумею то вполне новое, отличное, что поэзия наших дней привнесла к бывшим и столь же новым, но иным облициям вечного» [4, с. 458].

В письме В. Я. Брюсову от 23 июня 1899 г. И. И. Коневской сообщал, что занят перепиской своих рукописей и «корректурой отпечатков их на пишечной машине», предполагая в конечном итоге предложить издателям сборник «Мечты и думы», в котором «к <...> личным отделам присоединяются переводы в прозе из стихов Swinburne, Rossetti, Vielé-Griffin, Verhaeren и из “Заратустры” Nietzsche» [4, с. 464]. Однако публикация переводов в сборнике, цензурное разрешение на который было получено 14 августа 1899 г., не состоялась из-за материальных затруднений: книга издавалась автором за счет личных средств (денег, полученных от австрийской тетушки), первоначально ее бюджет предполагался в размере 200 рублей, однако после того как выяснилось, что на издание необходимо 300 рублей, раздел переводов из книги был снят<sup>1</sup>.

Эпистолярные материалы свидетельствуют о желании И. Коневского напечатать свои прозаические переводы в издательстве «Скорпион». Несмотря на «непримиримо отрицательное отношение» В. Я. Брюсова к самой возможности воссоздания стихов прозой, И. Коневской решается 3 мая 1900 г. передать через него руководителю издательства «Скорпион» С. А. Полякову предложение об издании сборника переводов, причем рассуждает так, будто этот вопрос – уже решенный, а единственным препятствием может стать противодействие цензуры: «Окончательно в состав моей переводной программы входят образцы из Swinburne, Rossetti, Vielé-Griffin, de Rénier, Verhaeren, Maeterlinck (из “Trésor” и “Sagesse et Destinée”), Nietzsche (из III-ей и IV-ой частей «Заратустры» и «Дионисовых Дифирамбов»). Опасаясь, конечно, за некоторые места у Nietzsche и Verhaeren (в “Le Forgeron”, “L’Ame de la Ville”, “Aux Moines” и др.), а особенно за Swinburne – последние фразы. Если “Hertha” не пройдет через цензуру, целое лишится, конечно, одного из своих краеугольных камней: кое-какие места из этой оды, в сущности, более исключительно боевого характера, придется, пожалуй, исключить, а кроме того, я думаю, можно “скрасить” через замену прописной буквы строчною в слове “Бог”, иногда – еще и присоединение к нему эпитета “всякий”, иногда употребление во множественном числе» [4, с. 492]. В Институте русской литературы (ИРЛИ) (Ф. 444. Ед. хр. 95) сохранилось письмо С. А. Полякова И. Коневскому от 23 августа 1900 г., в котором идея адресата относительно выпуска сборника переводов из разных авторов решительно отвергалась в виду желания издателя напечатать «ряд небольших томиков переводов из новых поэтов, но так, чтобы каждый томик был посвящен одному писателю»: «Один из таких томиков должен быть уже обещанный в наших объявлениях Verhaeren в переводе Валерия Яковлевича <Брюсова>. Кроме того, в этот же ряд войдет третий том Эдгара По в переводе К. Д. Бальмонта. Если бы Вы могли

<sup>1</sup> Об этом см. подробнее фрагменты писем И. Коневского А. Я. Билибину от 2 июля 1899 г. и от августа 1899 г., приведенные в комментариях А. В. Лаврова к публикации переписки В. Я. Брюсова и И. Коневского [4, с. 464].

представить нам целый томик переводов из Свинберна или Россетти, мы могли бы напечатать в виде одной из частей предполагаемого ряда» [11, с. 26].

И. Коневской не теряет надежды, что удастся опубликовать хотя бы часть осуществленных им прозаических переводов, о чем известно из его письма В. Я. Брюсову от 2 октября 1900 г.: «<...> не могу не указать на благое значение несимпатичных Вам переводов в прозе хотя бы из Vielé-Griffin (оставляю в стороне Verhaegen, раз Вы взяли себе нарочитой задачей его перевод в стихах, других переводившихся мною писателей – по другим причинам, хотя о самостоятельном издании некоторых из них жду ответа от С. А. Полякова)» [4, с. 511]. Однако издатель медлил с ответом, вместо него И. Коневскому в середине октября 1900 г. написал В. Я. Брюсов: «В настоящее время соображения наши по поводу Ваших переводов осложнены <...> следующим предложением: некто Вячеслав Иванов, ссылаясь на Дягилева, предлагает “Скорпиону” принять участие в издании переводов из современных французских поэтов; издание будет “украшено” рисунками французских художников. Вы видите сами, что до выяснения характера этого предприятия и нашего отношения к нему приходится отложить всякое решение о издании Ваших переводов» [4, с. 515]. В ранней редакции письма, не отправленной адресату, но сохранившейся в РГБ, далее следовал текст, предreshавший отрицательный ответ С. А. Полякова: «Сущность его ответа будет такова. “Скорпион” обязан заботиться не только о потребностях русской поэзии, но и о своем существовании, т.е., иначе говоря, о потребностях покупателей. Продавать стихи, переведенные прозой и притом с французского (язык – известный слишком многим), почти нет надежды. Поэтому приступить к изданию Ваших переводов (в основе весьма желательному) можно лишь в подходящее мгновение: после удачной распродажи какой-либо книги; когда внимание будет обращено вообще на издания “Скорпиона” и т.п. Во всяком случае в настоящие дни “Скорпион” обременен уже взятыми на себя обязательствами» [4, с. 515]. Однако, как уже отмечалось, эти рассуждения в письмо, ушедшее к И. Коневскому, не вошли. Создавалось впечатление, что издательство, затрудняясь сразу отказать И. Коневскому, искало благоприятные предлоги, чтобы не печатать его переводы.хлопоты по их изданию были прерваны трагической гибелью И. Коневского, предопределившей дальнейшую судьбу переводов, впервые публикуемых нами.

#### Сонет I. Престол Любви

Я отметил все родственные Власти, красоту коих видит сердце: Истину с испугом на устах, и Надежду, с поднятыми к небу глазами, и Славу, чьи звучные крылья развевают в пепле Минувшего искры – вешние огни, и движением своим вспугивают убегающее Забвение, и Юность, у которой осталась на плече еще одна прядка золотистых волос со времени последнего объятия, когда две нежных руки плотно ее держали, и Жизнь, все сплетающую венки цветов, чтобы украсить ими смерть.

Престол Любви – не среди них; нет – далеко над всеми страстными ветрами свиданий и разлук, она воссела в бездыханных обителях, что и во сне не открываются; и это – несмотря на то, что Истина предузнает сердце Любви, а Надежда его предсказывает, хотя и Слава только во имя Любви нам желанна, а Юность нам только и дорога, Жизнь нам только и сладостна, что любовью [16, л. 17].

## Сонет V. Надежда сердца

Силой какого слова, ключа к неиденным тропам, исследовать мне многотрудные глубины Любви, пока наконец разомкнутые волны пения не откроют доступа к берегу, подобно тому морю, которое Израиль перешел, не омочив ног? Ибо, видишь ли! в некоем убогом переходе размера, мне, Государыня, желанно поведать, как я во всякое время души твоей не распознаю от тела, ни тебя от меня, ниже любви нашей от Бога.

Да, именем Бога и Любви и твоим, желание мое в том, чтобы от одного любящего сердца извлечь такую очевидность, какую знаменует все творение для всех сердец; да будет она нежна, как первый отблеск рассвета на холме, и ярка, как, в час рождения Весны, мгновенное проникновенное чувство иных минувших Весен [16, л. 17об.].

## Сонет LXXVII. Красота души

Под вратами Жизни, там, где любовь и смерть, ужас и тайна хранят ее ковчег, там узрел я на престоле Красоту, и хотя вперенный взор ее исторг испуг, я вдохнул его в себя так же просто, как свое дыханье. Это ее очи – те, что как вверху, так и внизу небо и море к себе склоняют, – те очи, назначенные залогом победы и венца ее, что властны увлечь тебя, силой моря или неба или женщины, к единому закону.

Вот это она Государыня! Красота, в чью честь голос и рука твоя доньше сотрясаются: она давно известна тебе веянием своих волос и воскрылий, – это биение твоего сердца и волнение твоих ног, что преследуют ее ежедневно – и как страстно, и как невозвратно, в каком восторженном полете, по какому множеству путей и дней! [16, л. 18].

## Сонет XCVII. Надписание

Взгляни мне в лицо; мне имя «Могло быть»; зовут меня также «Нет уже», поздно «Прощай»; возле уха твоего я держу раковину из мертвого моря, которая выкинута к пеной разъеденным ногам твоей Жизни; а против глаз твоих – стекло, в котором видимо все, что имело подобие Жизни и Любви, но силой чар моих ныне – ничего более, как невыносимая колеблемая тень, непрочное хранилище неизреченных крайних дел.

Прислушайся, какая во мне тишина! Но вот будет час – и мелькнет по твоей душе нежное удивление того окрыленного Покоя, что усыпляет дуновение вздохов; тогда ты увидишь, как я усмехнусь, и отвернешь свое лицо ко мне, что подстерегаю твое сердце, всегда без сна, холодными напоминающими очами [16, л. 18об.].

## Сонеты XCIX, С. Новорожденная смерть

## I

Смерть кажется мне сегодня бессловесным младенцем, которого истомленная мать его Жизнь посадила ко мне на колени, чтоб я был ему другом и играл с ним; быть может, думала она, так смягчено будет мое сердце, так что не станет больше находить ужасов в лице столь ласковом – быть может мое усталое сердце так перед этими новорожденными млечными очами твоими, о Смерть, прежде еще чем успеет питать против нее злобу, примирится.

До каких пор еще, о Смерть? И суждено ли сопровождать тебе еще младенческими стопами мои стопы, или же стоять тебе вполне взрослой дочерью – помощницей моего сердца, в тот час, когда я дойду до берега бледных струй, что знают о тебе кто ты, и буду пить их из твоей полой руки?

## II

А ты, о Жизнь, владычица всяческого блаженства, ты, с которой, когда сердца наши бились полно и крепко, я странствовал так долго, что все обитатели людей оста-

лись за нами, и даже в самых чудных местах все кущи были не то, что мы искали, так что наконец лишь дубравам и водам слышны были наши поцелуи, меж тем, как все помыслы Смерти мы кидали на произвол ветров: ах, Жизнь, и неужели же не получать мне от тебя к концу всего иной улыбки в привет и иного чада?

Взгляни! вот Любовь, дитя некогда наше; вот и Пенне, чьи кудри сияли, как пламя, и цвели, как венок; вот искусство, чьи очи были миры, от Бога признанные красой; все они над книгой Природы сливали свои дыхания, обнявшись сплетшимися руками, – и как часто мы наблюдали их такими; и ужели же все они умерли, что тебе угодно принести мне Смерть? [16, л. 19–19об.].

#### Сонет СІ. Единая надежда

Когда в конце концов и напрасное желание, и напрасное сожаление – оба руку об руку пойдут к смерти и все будет напрасно, чему тогда смягчить незабвенную муку и что научит забывать незабываемое? Будет ли Покой по-прежнему все еще – река, под землю скрывшаяся и давно не встреченная, или же в тот же миг, посреди зеленого поля, душа склонится под струей некоего сладостного истока воды живой и обретет напоенный росой, процветший залог спасения?

Ах, когда в золотистом воздухе этом, посреди нежно развеянных расписных лепестков, бледная душа предстанет бездыханная приять подаяние неведомой благодати, – ах, дай, чтобы тогда не было у нее никаких других чар, а было бы только единое имя единой Надежды, – не меньше и не больше, но лишь одно это слово [16, л. 20].

#### Из сонетов – надписей к картинам

##### Astarte Syriaca

Смотрите: тайна! вот, между солнцем и луной, – Астарта Сириян, царица Венера, прежде нежели родилась Афродита. Мерцающая серебристым светом, двойной пояса ее объемлет все бесконечные дары блаженства, которым небо сообщается с землей. А с наклоненной шеи ее, как с цветочного стебля, свесились, вместе с головой ее, отягощенные любовью губы, а также отрешенные очи, которые настраивают биения ее сердца на преобладающий в воздушных сферах лад.

Сладостные служители ее с факелами в руках вынуждают все престолы света за небом и морем быть очевидцами лика Красоты: лик этот, залог, талисман и обетование всепроникающих чар Любви, это – тайна между солнцем и луной [16, л. 20об.].

##### Фиамметта

Рассмотри Фиамметту, показанную тебе здесь в видении. Она стоит, опоясанная сумраком, посреди зарумяненных Весной яблонных кущ; и вот, меж тем, как она колеблет руками сучья, вдоль рук ее внезапно спадают разрозненные цветы, рассыпаясь на отдельные лепестки, каждый – подобно канувшей слезе. В этот миг, расправляя крылья, с трепещущих сучьев срывается птица. И что же? – дух твой понимает, что жизнь пошатнулась, опрокинулась и улетела, и смерть надвигается.

Все движется в каком-то превращении. Одежды ее бьются в воздухе; вдали мелькает ангел, окружающий ее сиянием, в своем полете к серому стволу дерева; она же сама, с ободряющими очами, пречудная, стоит предзнаменованием и обещанием – как бы радуга Души над темной непогодой Смерти [16, л. 21].

##### Пределы моря

Обдумай безучастный гул моря: это – сущность Времени, явная слуху – ропот всей земной раковины. Тайное великое продолжение, вот – конец моря: взору нашему ни на пядь не пройти дальше этого. С начала времен этот звук повествовал течение времени.

Не покой, удел смерти, его удел – печаль старинной жизни, вовеки выдерживающей темную борьбу. Как сердце мира в мире и в гневе, так и мучительное биение его по пескам. До конца пребывающий, по всей стезе его – целый небосклон, серый и неведомый.

В уединении внемли у берега моря, внемли в уединении посреди лесов: голоса этих двух уединений явят тебе одного рода звук. Прислушайся, когда роптания толп народа вздымаются, низвергаются и вновь вздымаются, – это все единый голос волн и древ.

Подбери раковину на распростертом поморье и приклони слух к устам ее: они вздыхают той же тоской и тайной, в них – отзвучие речи всего моря. И весь род людской в сердце своем точно так же есть не что иное, чем ты сам: и Земля, Море, Человек – все всюю целостью в каждом из них [16, л. 21об. – 22].

Заоблачное  
(The Cloud Confines)

Мрачны как день, так и ночь для того, кто хочет изыскать их сердце. Не разъять ему уст у этого облака, не извлечь утренней песни из лучей света. Только и явно ему, одиноко взирающему, меж тем как показываются перед ним блуждающие тени, что неведомые глубины под глубинами и высоты над неведомыми высотами.

И все так же не устаем твердить на ходу:

«Уж размышлять много в дороге не приходится.  
А все, что суждено нам знать,  
Когда-нибудь мы да узнаем».

Былое наше отбыло, улетело. Что звалось новым, то зовем мы стариной. Много рассказано о тех днях рассказов, но ни одного слова не дойдет до нас от умершего. Просто, были ли все они? свободны они или в пленении? и то же ли, наконец, мы, что они? и какими чарами их унесло?

А на ходу мы все так же не устаем твердить:

«Уж где нам в дороге размышлять?  
А все, что суждено нам знать,  
Когда-нибудь мы да узнаем».

О, какая вражда бьется в груди твоей, о Время! Ты – кровавое избиение с самых отдаленных начал твоих, и смятение, в ожесточении бьющееся. То это война, рассеивающая убитых, то – мир, развеивающий их в пыль, как зерно. И во всякое время очи человеческие вперяются вотще в безжалостные очи рока.

И все так же мы не устаем твердить на ходу:

«Уж где нам размышлять в дороге?  
А все, что суждено нам знать,  
Когда-нибудь мы да узнаем».

О, какая любовь бьется в груди твоей, о Человек! Твои поцелуи уловлены тобой под гнетом злого когтя, презирающего их. Твой свадебный звон продолжается под похоронный звон. Надежду твою одно дуновение разносит. И наконец твои горькие безнадежные разлуки, а после них – пустые отзвуки!

И все так же мы не устаем твердить на ходу:

«Уж где нам много размышлять в дороге?  
А все, что суждено нам знать,  
Когда-нибудь мы да узнаем».

Небо глухо отяготело над морем, понутив все свои крылья. И песня та, что море поет, о, как беспросветно темна она. Былое наше забыто дотла. Нынешнее есть

и нет его в то же время. Будущее наше – запечатленный семенник. И что же такое между ними мы сами?

Мы, что на ходу не устаем твердить:

«Много размышлять уж не приходится в дороге.  
А все, что суждено нам знать,  
Когда-нибудь мы да узнаем» [16, л. 22об. – 23об.].

Характеризуя наиболее полное издание И. Коневского «Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений» (М., 1904), увидевшее свет в декабре 1903 г. в издательстве «Скорпион», А. В. Лавров отмечал, что «далеко не все автографы, бывшие в распоряжении составителя сборника, Н. М. Соколова, и редактора, В. Я. Брюсова<sup>1</sup>, сохранились в составе архивного фонда Коневского <...>, в архиве В. Я. Брюсова и в других рукописных собраниях» [2, с. 217–218]. В частности, приходится принимать на веру, что раздел сонетов в рукописи сборника «Мечты и думы» открывался эпиграфом из Россетти, представляющим собой цитату (с пропуском одного стиха) из вступительного сонета «A Sonnet is a moment's monument...» сборника «Дом Жизни»:

Look that is (a Sonnet) be;  
Of its own arduous fullness reverent [2, с. 229].

Вместе с тем приведенные материалы дают нам полное право согласиться с мнением Н. Л. Степанова, отмечавшего, что Д. Г. Россетти не только входил в круг чтения И. Коневского, но и относился к числу тех авторов, кто назывался им «чаще других» [17, с. 185].

Отметим также, что большинство упоминаний о Д. Г. Россетти в творчестве В. Я. Брюсова прямо или опосредованно связаны с именем И. Коневского.

В письме И. Коневскому от 5 апреля 1899 г., размышляя о двух началах бытия – деятельностном, ориентированном на борьбу (выразители этого начала – Марат, Тамерлан), и созерцательном, сконцентрированном на творческом самовыражении (П. Верлен, Д. Г. Россетти), – В. Я. Брюсов признавал необходимость их баланса и критиковал И. Коневского за уход в себя: «Вы напрасно отрекаетесь от целой половины бытия. Груда человеческих тел полуживых, полураздавленных не менее прекрасна, чем красный цвет небес, которые не красны. Marat равно близок мне, как Verlaine. Верю, что была равная сила жизни и ее ощущение у Тамерлана, как Россетти» [4, с. 456]. В другом письме, отправленном из Ревеля 30 мая 1900 г., он отмечал курьезные противоречия в окружающей действительности, сочетавшей и тягу к обновлению жизни, и некое «застывшее» постоянство: «В окнах книжных магазинов Maeterlinck, Strindberg, Ibsen, Rossetti, – а входять в эти магазины надо через готические двери с изображением Христа вверху» [4, с. 501].

---

<sup>1</sup> Материалы из архива И. Коневского были переданы его отцом И. И. Ореусом Н. М. Соколову и В. Я. Брюсову, о чем известно из переписки И. И. Ореуса с последним (в частности, из писем И. И. Ореуса В. Я. Брюсову от 29 сентября, 13 октября, 5 ноября и 21 декабря 1901 г. [4, с. 536, 539–540, 542, 543]). В письме от 5 ноября 1901 г. И. И. Ореус выказывал готовность выслать В. Я. Брюсову «переводы (в прозе) разных поэтов» [4, с. 542], выполненные его сыном; очевидно, это и был тот сборник, который впоследствии оказался в РГАЛИ и в котором содержались переводы из Д. Г. Россетти.

Первый очерк «О Ореусе»<sup>1</sup> В. Я. Брюсов начал писать еще в начале 1899 г., его текст, сохранившийся в РГБ на одном развороте с черновым вариантом письма к И. Коневскому от 26 января 1899 г. (ф. 386, 3.21, тетрадь № 41) и впервые опубликованный в 1991 г. С. И. Гиндиным, завершается (после анализа последнего сонета из цикла «Сын Солнца») таким непроясненным фрагментом об эпитафии, взятом И. Коневским из сонета ХСV «The Vase of Life» цикла «Дом Жизни» Д. Г. Россетти:

И прав Ореус, избрав своим эпитафю Rossetti:

Around the vase of life, at your alone pace

He has not crept but turned it with his hands

And all its sides already understands [4, с. 550–551]<sup>2</sup>.

В очерке «Иван Коневской (1877–1901 <г>г.)» (окончат. редакция – 1916 г.) В. Я. Брюсов усматривал точки соприкосновения между собой и другими ближайшими сотрудниками «Скорпиона» (С. А. Поляковым, К. Д. Бальмонтом, Ю. К. Балтрушайтисом), с одной стороны, и И. Коневским – с другой: «<...> мы все были воспитаны на одних и тех же книгах: равно признавали своими “учителями” Ницше, Метерлинка, французских “символистов” <...>, а в прошлом – Эдгара По, прерафаэлитов, Бодлэра» [18, с. 151]. Творческий облик И. Коневского, по наблюдению В. Я. Брюсова, сформировался под перекрестным влиянием многих литературных течений на Западе; это был «юноша, правда, застенчивый и целомудренный, но впитавший в себя и мрачную поэзию “Цветов зла”, и утонченный яд Данте-Габриэля Россетти, и безнадежный скептицизм Жюль Лафорга, и остроту переживаний Кнута Гамсуна» [18, с. 153]. Как видим, Данте Габриэль Россетти оказывался в первом ряду поэтов, оказавших непосредственное влияние на становление русского символизма.

### Список литературы

1. **Коневской, И.** Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений с портретом автора и статьей о его жизни и творчестве / И. Коневской. – М. : Скорпион, 1904. – 250 с.
2. **Лавров, А. В.** Примечания / А. В. Лавров // Стихотворения и поэмы / И. Коневской. – СПб. ; М. : Изд-во ДНК : Прогресс-Плеяда, 2008. – С. 217–282.
3. **Нечепорук, Е. И.** «О слово вешее, слово-сила...». О творчестве Ивана Коневского / Е. И. Нечепорук // Мечты и думы: стихотворения и проза / И. И. Коневской (Ореус). – Томск : Водолей, 2000. – С. 3–22.
4. Переписка <В. Я. Брюсова> с Ив. Коневским / вступ. ст. А. В. Лаврова ; публ. и коммент. А. В. Лаврова, В. Я. Мордерер, А. Е. Парниса ; подг. текста очерка «О Ореусе» и коммент. С. И. Гиндина // Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты : в 2 кн. – М. : Наука, 1991. – Кн. 1. – С. 424–554.
5. **Гете, И.-В.** Фауст / И.-В. Гете ; пер. прозой П. И. Вейнберга с его прим. [и предисл.] и с новейшими илл. – СПб. : Тип. Суворина, 1902. – 247 с.
6. **Гете, И.-В.** Фауст : трагедия / И.-В. Гете ; пер. в прозе П. И. Вейнберга с прим. переводчика. – СПб. : Знание, 1904. – 468 с.

<sup>1</sup> *Ореус* – настоящая фамилия И. Коневского.

<sup>2</sup> У В. Я. Брюсова – с некоторыми неточностями. Ср.: «Around the vase of Life at your slow pace / He has not crept, but turned it in his hands, / And all its sides already understands».

7. **Евг. Л. <Ляцкий, Е. А.>**. Вольфганг Гете. «Фауст». Трагедия. Перевод в прозе Петра Вейнберга с примечаниями переводчика. Изд. товарищества «Знание». СПб., 1904 / Евг. Л. <Е. А. Ляцкий> // Вестник Европы. – 1904. – № 12. – С. 842–844.
8. [Рец.:] Вольфганг Гете. Фауст. Трагедия. Пер. в прозе Петра Вейнберга с примеч. переводчика. Изд. т-ва «Знание». СПб., 1904 г. // Русская мысль. – 1904. – Окт. – Отд. II. – С. 313–315.
9. Золотое перо. Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах. 1812–1970 / сост. Г. И. Раггауз. – М. : Прогресс, 1974. – 736 с.
10. Ф. Ницше в переводах И. Коневского / предисл., публ. А. В. Лаврова // *Musenalmach*: В честь 80-летия Р. Ю. Данилевского / отв. ред. Г. А. Тиме. – СПб. : Нестор-История, 2013. – С. 161–199.
11. **Лавров, А. В.** «Чаю и чую». Личность и поэзия Ивана Коневского / А. В. Лавров // Стихотворения и поэмы / И. Коневской. – СПб. ; М. : Изд-во ДНК : Прогресс-Плеяда, 2008. – С. 5–66.
12. **Лавров, А. В.** Ранний Метерлинк в ранних российских толкованиях. Иван Коневской / А. В. Лавров // Вестник истории, литературы, искусства. – М. : Наука, 2009. – Т. 6. – С. 408–423.
13. Из архива Ивана Коневского / предисл., публ. и коммент. А. В. Лаврова // Писатели символистского круга: новые материалы. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – С. 81–192.
14. **Гроссман, Дж. Д.** Иван Коневской, «мудрое дитя» русского символизма / Дж. Д. Гроссман. – СПб. : Издательство Пушкинского Дома : Нестор-История, 2014. – 308 с.
15. **Коневской (Ореус), И. И.** Мечты и думы : стихотворения и проза / И. И. Коневской (Ореус) ; предисл., сост. и коммент. Е. И. Нечепорука. – Томск : Водолей, 2000. – 640 с.
16. **Коневской, И. И.** Сборник переводов произведений западноевропейских писателей (1896–1899 гг.) : [машинопись с рукописной авторской правкой] / И. И. Коневской // РГАЛИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 9.
17. **Степанов, Н. Л.** Иван Коневской. Поэт мысли / Н. Л. Степанов ; публ. А. Е. Парниса // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования : в 5 кн. – М. : Наука, 1987. – Кн. 4. – С. 180–202.
18. **Брюсов, В. Я.** Иван Коневской (1877–1901 <г>г.) / В. Я. Брюсов // Русская литература XX века (1890–1910) / под ред. проф. С. А. Венгерова. – М. : Мир, 1916. – Т. 3. – С. 150–163.

### *References*

1. Konevskoy I. *Stikhi i proza. Posmertnoe sobranie sochineniy s portretom avtora i stat'ey o ego zhizni i tvorchestve* [Poetry and prose. The postmortem collection of works with the author's portrait and an article on his life and creativity]. Moscow: Skorpion, 1904, 250 p.
2. Lavrov A. V. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and rhymes]. Saint-Petersburg; Moscow: Izd-vo DNK: Progress-Pleyada, 2008, pp. 217–282.
3. Necheporuk E. I. *Mechty i dumy: stikhotvoreniya i proza* [Dreams and thoughts: poems and prose]. Tomsk: Vodoley, 2000, pp. 3–22.
4. *Literaturnoe nasledstvo. T. 98. Valeriy Bryusov i ego korrespondenty: v 2 kn.* [Literary heritage. Vol. 98. Valery Bryusov and his correspondents: in 2 books]. Moscow: Nauka, 1991, bk. 1, pp. 424–554.
5. Gete I.-V. *Faust* [Faust]. Saint-Petersburg: Tip. Suvorina, 1902, 247 p.
6. Gete I.-V. *Faust: tragediya* [Faust: a tragedy]. Saint-Petersburg: Znanie, 1904, 468 p.
7. *Vestnik Evropy* [European bulletin]. 1904, no. 12, pp. 842–844.

8. *Russkaya mysl'*. [Russian thought]. 1904, Oct. sect. II, pp. 313–315.
9. *Zolotoe pero. Nemetskaya, avstriyskaya i shveytsarskaya poeziya v russkikh perevodakh. 1812–1970* [The golden pen. German, Austrian and Swiss poetry in Russian translations. 1812–1970]. Comp. by G. I. Ratgauz. Moscow: Progress, 1974, 736 p.
10. *Musenalmanach: V chest' 80-letiya R. Yu. Danilevskogo* [Musenalmanach: devoted to 80<sup>th</sup> jubilee of R. Y. Danilevsky]. Execut. ed. G. A. Time. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013, pp. 161–199.
11. Lavrov A. V. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and rhymes]. Saint-Petersburg; Moscow: Izd-vo DNK: Progress-Pleyada, 2008, pp. 5–66.
12. Lavrov A. V. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva* [Bulletin of history, literature, arts]. Moscow: Nauka, 2009, vol. 6, pp. 408–423.
13. *Pisateli simvolistskogo kruga: novye materialy* [Symbolist writers: new materials]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003, pp. 81–192.
14. Grossman Dzh. D. *Ivan Konevskoy, «mudroe ditya» russkogo simvolizma* [Ivan Konevskoy, a “wise child” of Russian symbolism]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma: Nestor-Istoriya, 2014, 308 p.
15. Konevskoy (Oreus) I. I. *Mechty i dumy: stikhotvoreniya i proza* [Dreams and thoughts: poems and prose]. Tomsk: Vodoley, 2000, 640 p.
16. Konevskoy I. I. *Sbornik perevodov proizvedeniy zapadnoevropeyskikh pisateley (1896–1899 gg.): [mashinopis' s rukopisnoy avtorskoy pravkoy]* [A collection of translations of works by west-european authors (1896–1899): (a typescript with handwritten author's editing)]. RGALI. F. 259. Op. 1. Ed. khr. 9.
17. Stepanov N. L. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya: v 5 kn.* [Literary heritage. Vol. 92. Alexander Blok. New materials and research: in 5 books]. Moscow: Nauka, 1987, bk. 4, pp. 180–202.
18. Bryusov V. Ya. *Russkaya literatura XX veka (1890–1910)* [Russian literature of the XX century (1890–1910)]. Ed. by prof. S. A. Vengerov. Moscow: Mir, 1916, vol. 3, pp. 150–163.

**Жаткин Дмитрий Николаевич**

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенский государственный технологический университет (Россия, г. Пенза, ул. Гагарина, 11); академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, заслуженный работник культуры Пензенской области, почетный доктор Пензенского государственного технологического университета, член Союза писателей России, член Союза журналистов России

E-mail: ivb40@yandex.ru

**Zhatkin Dmitriy Nikolayevich**

Doctor of philological sciences, professor, head of sub-department of interpretation and translation science, Penza State Technological University (11 Gagarina street, Penza, Russia); Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, honoured research worker of higher professional education of the Russian Federation, honoured research worker of science and technology of the Russian Federation, honored research worker of culture of Penza region, honorary doctor of Penza State Technological University, Member of the Union of Writers of Russia, Member of the Union of Journalists of Russia

УДК 821.161.1

**Жаткин, Д. Н.**

**Данте Габриэль Россетти и Иван Коневской** / Д. Н. Жаткин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 102–116. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-3-10